

«в кипящей от молний и штормов, заледеневшей саже погребено все – и правота одних и неправота других, все истины, все идеи, все слова» [1, с. 39].

Появление третьего героя тесно связано с мифологемой Каина, в очередной раз остроя внимание на мотиве братоубийства и соперничества в повести. Главная героиня тяжело принимает тот факт, что все человечество, братья и сестры, рожденные от природы, погибли от своих же рук и потому *«назвать нас Каинами для Нее мало, изобрела несуразное слово: Всекаины!» [1, с. 8].* Адамович подчеркивает, что цивилизация прошла путь от первого до последнего человека, так и не изжив в себе насилие, превращающее абсолютно все в *«орудие собственной правоты, мучительства, казней, убийств» [1, с. 59].* Мирное сосуществование пары разрушается агрессией, которая заложена в самой природе якобы «цивилизованного» человека.

В христианской традиции крещение – это обряд духовного рождения, очищения от грехов и входа в новую жизнь через погружение в воду. У Адамовича этот мотив подвергается трагической трансформации: в конце повести героиня входит в воды смертельно опасного радиоактивного океана юной и прекрасной, полной сил и надежд, а выходит старухой, у которой *«залитые слезой, потухшие глаза, запавший, без зубов рот, шея и лоб в фиолетовых пятнах, какие-то клочья вместо волос на святащемся черепе» [1, с. 58].* Радиация убивает ее вместе с верой в будущее человечества.

Наконец, в отличие от библейского Апокалипсиса, за которым следует новое небо и новая земля, «Последняя Пастораль» не дает надежды на чудо. Ее финал – это стремительно надвигающийся ядерный смерч, и *«на наш берег, к острову со стороны черно вздвухшегося океана все стремительнее надвигается, охватывает, сжимает оставшееся и все уменьшающееся пространство испещренная змеями-молниями стена мрака» [1, с. 60].* В отличие от конца света как акта высшей справедливости Бога, ядерный апокалипсис – это самодеятельность человека, решившего поиграть в Творца. Но у человека-разрушителя нет созидательной силы Бога, человечество смогло разрушить «старое небо», но создать новое оно не способно.

Заключение. «Последняя пастораль» Алеся Адамовича – это глубоко символичное произведение, где библейские мотивы используются для усиления трагизма конца человечества. Если Библия начинается с сотворения мира, то повесть Адамовича – это хроника его окончательного разрушения. Человек, разрушивший храм природы, теряет право на роль венца творения. Адамович напоминает нам, что природа – это тот самый первоизданный Эдем, который был доверен человеку, и мы обязаны его беречь.

1 Адамович, А. М. Последняя пастораль / А. М. Адамович // Новый мир. – 1987. – № 3. – С. 3–60.

2 Крикливец, Е. В. «Экология души» в повестях В. Распутина, В. Астафьева, В. Козько, Б. Саченко / Е. В. Крикливец // Славянскія літаратуры ў кантэксте сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф. : в 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. – Мінск : БДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 376–282.

3 Сабуть, А. Э. Концептуальность публицистики Алеся Адамовича / А. Э. Сабуть // Вестник науки и образования. – 2019. – №24-3 (78). – С. 34–37.

«МИРОВОЗЗРЕНИЕ БОЛИТ»: БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СКАЗКЕ А. ПЛАТОНОВА «ИЗБУШКА БАБУШКИ»

Щуцкий В.В.,

студент 4 курса ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж»,

г. Смоленск, Российская Федерация

Научный руководитель – Соловьёва Н.С., преподаватель

Андрей Платонов – один из самых необычных писателей XX века. Исследовательский интерес вызывает стиль автора, в котором исследователи отмечают семантические сдвиги (В. В. Буйлов, А. К. Котлов, М. А. Дмитриевская, Н. Б. Бугакова и др.). Актуальным остаётся аспект функционирования семантических полей в творчестве Андрея Платонова, который находится в фокусе нашего исследования.

Цель исследования – выявить закономерности в использовании бытийных глаголов и их связи внутри семантических подгрупп.

Материал и методы. Методы исследования – формальный метод тематического анализа с опорой на минимальную тему (МТ) по Б. В. Томашевскому, объединение МТ в семантические поля по Г. Ипсену.

Семантическим полем мы считаем «структурную величину, которая объединяет лексику в лексико-семантическую систему, где каждая лексема обнаруживает эту величину как доминантную сему лексического значения» [3].

Материалом исследования выступает сказка «Избушка бабушки» Андрея Платонова.

Результаты и их обсуждение. В данной работе мы сосредоточились на выявлении закономерностей между глаголами, так как глагол в тексте является единицей, задающей сюжетное движение. В дальнейшем планируется семантическое и функциональное исследование других частей речи в текстах Платонова.

В ходе рассмотрения произведения «Избушка бабушки» было выделено семантическое поле *бытийных* глаголов, которое включает в себя следующие группы глаголов: *протекания жизни, состояния, отражения* (мира). Внутри каждой группы были выделены подгруппы, уточняющие семантику слов. Всего *бытийных* глаголов насчитывается 309. Самой многочисленной является группа глаголов *протекания жизни* (165): глаголы *существования* (125), *смерти и разрушения* (29), *появления* (11). Следующая по частотности группа – глаголы *отражения* (121): глаголы *познания* (77) и *восприятия* (44). Наименее частотной является подгруппа глаголов *состояния* (23): глаголы *недостачи* (19), *полноты* (4). Самыми частотными глаголами *существования* являются «быть» (59), «жить» (40). Считалась и форма настоящего времени глагола «быть» в силу контекстуальных особенностей семантики и синтаксиса в текстах Платонова. Подгруппа *существования* тесно связана с подгруппой *смерти и разрушения*, которая представлена более разнообразными, но менее многочисленными лексемами: умереть (4), помирать (4), умирать (3), гнить (3). В подгруппах *недостачи* и *полноты* количество употреблений тоже немногочисленно, здесь самые употребимые лексемы: соскучиться (3), томиться (3). В подгруппе *познания* многочисленны лексемы «знать» (30), «думать» (19), а в *восприятия* – видеть (12), смотреть (7).

Лексемы *существования* и *смерти и разрушения* представляют единое целое. В логике текста жизнь и смерть могут перетекать друг друга: от жизни к смерти и наоборот. Так дед Сарай рассказывает главному герою мальчику Тишке, что будет через тысячу лет, объясняя, что будет жить некая тётка Агафья, у которой курица «уткнётся носом в землю и издохнет». При этом мальчик спрашивает, где сейчас эта курица, и получает ответ, что «сейчас она не родилась ещё», «сейчас она мёртвая пока». Тишка удивляется тому, что мёртвые тоже могут жить, и уточняет, где они живут, а дед Сарай объясняет: «Спят в живых потихоньку, а потом выковыриваются из них, когда соскучатся быть мёртвыми» [1]. Так получается, что смерть и жизнь легко могут сменяться и представляются неразрывными.

Сам переход между жизнью и смертью может обеспечиваться глаголами *состояния*. В вышеприведённом фрагменте важно не только то, что птица ещё не родилась и потому мёртвая, но и то, что мёртвый может появиться на свет снова. В данном фрагменте бытийный глагол *появления* «выковыриваться» коррелирует с глаголом *состояния* *недостачи* «соскучиться». Сам процесс смены жизни и смерти происходит потому, что мёртвый имеет потенциальную возможность соскучиться. В этом и заключается суть глаголов *недостачи*: они характеризуют такое состояние, в котором в логике платоновского текста субъекту действия чего-то не хватает, в данном случае самой жизни, и это провоцирует переход. В другом месте дед Сарай объясняет, что всё сущее живёт «от нужды и скуки», «гниёт и томится» [Там же]. Тут связаны глагол *разрушения* «гниеть» и *недостачи* «томиться», а также *существования* «жить». В этой логике всё существующее живёт, но при этом гниёт, то есть существует и поддается разрушению одновременно. Катализатором этого действия выступает глагол «томиться» и весомая в тексте связка «от нужды и скуки». «От нужды и скуки» является мотивировкой самой жизни, что подтверждается синтаксической конструкцией с предлогом «живут от». Несмотря на то, что существо гниёт, оно томится – это такое состояние, при котором должна быть зрима сама причина томления, но она скрытая, перетекает в тоску по жизни, в недостачу жизни.

Сам факт существования может быть воспринимаем и познаваем. В тексте проявляется весомое противопоставление конструкций *познания*: «знать всё» и «не знать ничего». Так Сарай, который всё знает, учит Тишку. В слове «всё» тоже сдвигается семантика, отчего меняется смысл базовых глаголов *познания*. В своём труде «Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова» Ольга Меерсон называет подобные сдвиги «подстановками», то есть такими словами, которые целиком заимствуют семантику какого-то другого слова [2]. «Всё» принимает вид какой-то обобщённой абсолютной экзистенции, которую можно познать, о которой можно что-либо утверждать. Так Сарай утверждает, что «знает всё», а «всё ведь это мёртвое», «всё нарочно». Последней фразой Сарай разрушает мысль о том, что Тишка думает на самом деле. Для Сарая процесс мышления – только «представление» [1]. При этом само познание способно изменить восприятие. Так Тишка, наученный Сараем тому, что весь мир на самом деле тёмный, начинает его таким видеть: «Чёрный? – спросил Тишка, сейчас же вообразив тьму и почти увидев её своими глазами на месте сияющего солнечного света». Здесь соседствуют глагол *познания* «вообразить» и *восприятия* «увидеть». Точно также наутро после этого разговора Тишка «видел свет за окном, но он ему казался смутным» [Там же]. Но есть и другой случай влияния познания на восприятие. Сарай выдаёт себя за умного, всезнающего человека, но при этом научает Тишку тому, что мир тёмный, лишь «представление», а сам при пожаре посылает людей в огонь за своими вещами; есть Фёкла Семёновна, которая не говорит о том, что она знает всё, но при этом хранит в себе знание: «Она знала, что за видимыми звёздами есть невидимые, и они тоже освещают землю, но тем светом, который люди не видят» [Там же]. Её знание внутренне направлено на тайну существования.

Заключение. Можно сказать, что в тексте Андрея Платонова «Избушка бабушки» бытийные глаголы расширяют своё значение, принимают новые функции: жизнь и смерть неразлучны, их переход зависит от состояния, а сам факт бытия может восприниматься по-разному из-за разных способов познания.

1 Избушка бабушки / Андрей Платонов. – URL: <https://platonov-ap.ru/novels/izbushka-babushki/> (дата обращения: 09.03.2026). – Текст: электронный.

2 Меерсон, О. А. Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова / О. А. Меерсон. – М.: ГРАНАТ, 2016. – 256 с.

3 Понятие «семантическое поле» / А. К. Башарина – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-semanticheskoe-pole/viewer> (дата обращения: 09.03.2026). – Текст: электронный.

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ПОПОЛНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Юнгвирт В.,

студентка 5 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Василькова М.В., ст. преподаватель

Цель данной работы – выявление и анализ основных источников и типов заимствований в современной немецкой экономической терминологии.

Актуальность исследования обусловлена активным проникновением иноязычной лексики, прежде всего англицизмов, в профессиональный язык немецкой экономики, что требует осмысления процессов их адаптации и систематизации для понимания современных тенденций развития терминосистемы.

Материал и методы. Материалом исследования послужили экономические термины немецкого языка, отобранные из толковых словарей и корпуса немецкоязычных экономических текстов. В ходе работы применялись следующие методы: метод целенаправленной выборки, описательный метод и сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и их обсуждение. В состав любого языка входят лексические единицы, которые ему не родны. Такие единицы называются заимствованиями. Для носителей языка не проблема выявить такие слова в родном языке, однако со временем заимство-